

Игровая часть интернет-свадьбы состоит из разнообразных игр и конкурсов. Выделяются эротические и словесные игры, универсальные для всех праздников («Танец с шариком», «Добрая самаритяночка», «Попади в бутылочку», «Эротический марафон»). Игровой репертуар отличается повышенным эротизмом и напоминает игру ряженых на второй день традиционной свадьбы. Традиция ряженья подвергается коррекции в духе времени: игровое поведение участников свадьбы гендерно дифференцированно, иногда роли меняются, появляются новые маски.

Описание городской свадьбы, представленное в многочисленных сценариях, — вербальные тексты, имеющие внутреннюю структуру и стереотипность содержания. Сценарии современного свадебного обряда, передаваемые по наследству, в рукописном виде, по сети Интернет, в публикациях, можно назвать фольклорным явлением. Для них характерны основные признаки фольклорного текста: повторяемость, вариативность и анонимность (сценарии не принято подписывать, так как их источники общедоступны).

Литература

Веселовская 2002 — *Веселовская О.* Свадьба по всем правилам и на любой вкус. М., 2002.

Лаушин 1998 — *Лаушин В.* Ах, эта свадьба. СПб., 1998.

Лебедева — *Лебедева О. Е.* Ряженые в свадебном сценарии // Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика // www.ruthenia.ru/folklore/lebedeva1.htm.

Матлин 2003 — *Матлин М. Г.* Современные свадебные обычаи и обряды русского населения города Ульяновска // Традиционная культура. 2003. № 1. С. 41—50.

Новоселова 2001 — *Новоселова Т. А.* Свадьба по всем правилам. Ростов-на-Дону, 2001.

О свадьбе 2001 — Большая книга о свадьбе. Минск; М., 2001.

Розов 1981 — *Розов А. Н.* К сравнительному изучению поэтики календарных песен // Русский фольклор: Поэтика русского фольклора. Т. XXI. Л., 1981. С. 47—69.

Свадебный переполох — Свадебный переполох // www.perepoloh.ru.

Сценарии свадьбы — Сценарии свадьбы // toast.kulichki.net/svad/prig11.htm.

Сокращения

ФА ЕНУ — Фольклорный архив Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева (записи 1978—2005 годов).

Д. В. ГРОМОВ

(Люберцы)

ПОСЕЩЕНИЕ ДОСТОПРИМЕЧАТЕЛЬНОСТЕЙ КАК ЧАСТЬ СОВРЕМЕННОГО СВАДЕБНОГО ОБРЯДА

Одним из неперенных элементов современного свадебного обряда является посещение молодоженами местных достопримечательностей. После регистрации брака в ЗАГСе жених с невестой в компании гостей отправляются кататься на автомобилях, при этом в определенных, «особых» точках маршрута делаются остановки и производятся ритуальные действия. В катаниях обычно участвует исключительно молодежь. Гости старшего возраста встречают молодых за свадебным столом, куда те приезжают после катаний.

Человеку не старше среднего возраста данный обряд кажется привычным и само собой разумеющимся, однако возник он сравнительно недавно — во второй половине 1960-х годов.

Нами был проведен устный опрос и письменное анкетирование (преимущественно анонимное), в которых участвовали 65 человек в возрасте от 16 до 83 лет. Были собраны описания 130 свадеб, имевших место в последние десятилетия в 17 крупных городах, а также в 26 небольших городах и поселках России, Украины, Белоруссии и Казахстана.

Обрядовые катания присутствуют в подавляющем большинстве (92%) свадебных церемоний. Если брачующиеся и отказываются от данных действий, то часто по объективным причинам, например из-за морозной погоды. Некоторые женихи и невесты принципиально не исполняют данный обряд, мотивируя это нежеланием следовать распространенному стереотипу поведения. Как показывают дополнительные расспросы, число «свадебных достопримечательностей» значительно больше, чем это представлено в собранных нами материалах, — многие из них информанты просто не вспоминают.

В качестве рабочей гипотезы мы рассмотрим предположение о том, что

посещение молодоженами определенных локусов (далее — «свадебных достопримечательностей») после ЗАГСа представляет собой **действие, призванное сакрализовать современный свадебный обряд**. В рамках рассмотрения этой гипотезы мы уделим внимание семантике «свадебных достопримечательностей», проследим историю данного обрядового действия.

В дореволюционной России основные сакральные действия, связанные с заключением брака, происходили в храме (венчание) и в домах молодоженов (многочисленные обряды свадебного цикла).

Октябрьская революция коренным образом перестроила российскую жизнь. Изменениям подвергся и свадебный обряд. Новая идеология не признавала религии и других «пережитков прошлого». Соответственно, из обряда бракосочетания было исключено венчание, не поощрялись и многие другие ритуальные формы. «Для воинствующе настроенных атеистов 20-х годов и последующих десятилетий старая свадьба была равнозначна венчанию, с которым, как и с русским православием и церковной обрядовостью, велась непримиримая борьба» [Русские 1992, 335]. В результате последовательного уничтожения традиционной обрядности «в 50-х годах гражданский ритуал заключался только в записи акта гражданского состояния — рождения, брака, похорон» [Русские 1992, 336].

В десакрализованном виде свадебный обряд просуществовал до 1960-х годов. К этому времени культурный импульс Октябрьской революции начал сходиться на нет, возникла потребность в ритуальном наполнении действий перехода, и в том числе такого важного обряда, как свадьба.

Ввиду этого 1960-е годы знаменовались развитием свадебной обрядности. В конце этого десятилетия регистрация браков начала производиться в специально построенных Дворцах бракосочетаний, была разработана торжественная процедура регистрации, начала выпускаться специальная методическая литература [Геродник 1964, 104; Руднев 1974; Праздники 1979, 67; Соц. обрядность 1979, 35; Соц. праздники 1981; Пропаганда 1985 и др.]. Именно в это

время в Советском Союзе утвердился наиболее привычный нам ныне комплект свадебной одежды — черный костюм для жениха и белое платье с фатой для невесты.

Свадебный обычай посещать военные мемориалы возник тогда, когда выросли и начали вступать в брак представители первого поколения детей, чьи родители погибли в Великой Отечественной войне. В традиционном свадебном обряде, если у кого-то из молодоженов отец или мать не доживали до свадьбы, было принято во время предсвадебной недели посещать их могилу [Громыко 1991, 373]. Этот обычай почти через полвека после революции возродился и дал толчок новой традиции. Точно известно, что в отличие от многих свадебных обрядов, вводимых в 1960-е годы централизованно, обычай посещать могилы возник стихийно [Русские 1992, 335].

Развитие нового обрядового действия — посещения местных достопримечательностей — было продиктовано, помимо прочего, и материальными причинами. К началу 1970-х годов в личном пользовании советских граждан появилось большое количество легковых автомобилей: если до 1960-х годов включительно молодожены отправлялись в ЗАГС пешком или на общественном транспорте, то теперь появился обычай заказывать автомобиль или даже организовывать целый свадебный кортеж. К концу 1970-х годов обряд посещения достопримечательностей стал привычным явлением.

В последней трети XX века дополнительная сакрализация бракосочетания происходила по нескольким направлениям. Во-первых, как мы уже говорили, государственными структурами развивался торжественный свадебный обряд в ЗАГСах. Во-вторых, возобновлялся обряд венчания в храмах (церквях, мечетях, синагогах и др.); обычай венчаться получил особенно широкое распространение в течение последних пятнадцати лет. Наконец, в-третьих, происходило стихийное развитие свадебной обрядности, одной из составных частей которой был рассматриваемый нами обряд посещения «свадебных достопримечательностей».

К настоящему моменту жители практически каждого крупного населенного

пункта могут назвать ряд объектов, которые посещаются местными молодоженами, причем символика этих объектов сводится к трем типам, которые будут рассмотрены ниже. «Свадебные достопримечательности» возникают так, чтобы «обслужить» потребности в свадебных ритуальных действиях на определенной территории. Так, московские молодожены для удобства организации свадебной процессии могут посетить как «центральные» мемориалы в честь погибших (в Александровском саду, на Поклонной горе), так и мемориалы, находящиеся поблизости от дома; возникающие в Подмоскovie «поляны невест» «обслуживают» свадьбы, совершающиеся в окрестных районах.

Если спросить женихов и невест, зачем они посещают достопримечательности, то мало кто сможет отразить это действие. В большинстве случаев ответят, что так делают все. Некоторые приведут и «организационные» доводы — необходимость чем-то занять время между ЗАГСом и застольем. Если жителей небольших городов и поселков спросить, почему молодожены выбирают для посещения именно те или иные достопримечательности, чаще всего они ответят, что «больше ездить и некуда».

Однако анализ того, какие именно объекты выбирают молодожены для посещения, говорит в пользу истинности исходной гипотезы о сакрализации свадебного обряда как скрытом мотиве посещения «свадебных достопримечательностей».

Нами было выделено *три основных типа* «свадебных достопримечательностей» (необходимо заранее оговорить, что конкретные объекты могут быть отнесены одновременно и к двум, и к трем типам).

Тип 1. Достопримечательности, связанные с «почитанием предков» (как правило, героев войны и исторических деятелей).

К данному типу относятся 57% посещаемых объектов, упомянутых информантами, подобные объекты посещаются в 73% свадебных церемоний.

Чаще всего к числу объектов данного типа относятся мемориалы в честь погибших в Великой Отечественной войне — Вечный огонь, обелиски, братские могилы и т. д. Практически всегда

при посещении подобных мемориалов молодожены возлагают цветы.

Военные памятники являются наиболее распространенным типом «свадебных достопримечательностей»: если информант, описывая свадебный обряд в своем городе, упоминает хотя бы один объект, посещаемый традиционно, то это, скорее всего, памятник в честь погибших на войне. Как уже говорилось выше, обычно посещения военных мемориалов возник как дань памяти родителям, погибшим на войне.

К числу объектов, связанных с «почитанием предков», мы относим также монументы в честь исторических деятелей, знаковых для данной местности. Это либо отцы-основатели города, либо связанные с городом прославленные герои. В Санкт-Петербурге, Петрозаводске и Таганроге подобным деятелем, запечатленным в скульптуре и вовлеченным в свадебную обрядность, является Петр Великий; в Нижнем Новгороде — Кузьма Минин, Максим Горький (советское название города — Горький) и Валерий Чкалов; в Тобольске — Ермак и Александр Семаков (большевик, установивший в городе советскую власть); в Пскове — Александр Невский и т. д. В ряде городов (Донецк, Псков, Петрозаводск) молодоженами посещаются памятники С. М. Кирову. Не нуждается в комментариях ритуальный интерес к памятникам основателю советского государства В. И. Ленину.

Вместе с изменением идеологических ценностей в обществе происходит и изменение состава «свадебных достопримечательностей». Так, если раньше в Пскове свадебные кортежи заворачивали к памятнику Кирову, то сейчас — чаще к памятнику Александру Невскому. В Тобольске революционер Семаков уступает первенство Ермаку. Повсеместно теряют популярность памятники Ленину.

Новые монументы также включаются в традиционную обрядность. Так, в подмосковных Люберцах молодые возлагают цветы не только к Вечному огню, но и к недавно открытому памятнику солдатам, погибшим в локальных военных конфликтах.

Тип 2. Достопримечательности, связанные с территориальной и культурной самоидентификацией.

К данному типу относятся 35% объектов; эти объекты посещаются в 54% свадебных церемоний. К числу таких «идентификационных» мест относятся «свадебные достопримечательности» в центре города или же возвышенности, с которых открывается панорама города.

В Москве как географический, исторический и культурный центр воспринимается Красная площадь, часто посещаемая свадебными кортежами. В Санкт-Петербурге это Медный вадник и Стрелка Васильевского острова, в Великом Новгороде, Тобольске и многих других городах — Кремль, в Ярославле — беседка на берегу Волги. Центральным положением определяется и высокая посещаемость многих памятников.

Стремление к условному центру территории наблюдается и в случаях, когда молодожены, живущие в небольших деревнях и поселках, отправляются кататься в областной центр. Показательно проявившееся в последнее время (после отмены определенных юридических ограничений) стремление молодоженов из разных регионов России заключать брак в ЗАГСах Москвы. В Тобольске возлагают цветы к мозаике, изображающей Семена Ремезова, первого картографа края.

Для того чтобы взглянуть на город с высоты, свадебные процессии в Москве посещают смотровую площадку на Воробьевых горах, в Алма-Ате — на Медео, в Перми — около диорамы, посвященной событиям 1905 года, в Тобольске — около памятника Ермаку. Вообще, молодожены любят забираться на высоту. Часто для посещения используются площадки не с видом на город, а просто с далеким обзором окрестностей. Так, в Нижнем Новгороде приезжают к памятнику Чкалову, откуда можно любоваться видом заволжских просторов (далее процессия, как правило, спускается по Чкаловской лестнице к волжской воде), в Нижнекамске выходят на берег Камы и т. д. В городе Абаза (Саяны) свадебные процессии забираются на перевал, откуда издали открывается вид на город; здесь находится площадка, на которой автомобилисты отдыхают после долгого подъема в гору (или наоборот — перед долгим спуском в долину).

Самоидентификационный мотив присутствует в воспоминаниях одной

из информанток: *«Мой жених жил в другом городе, и выйдя замуж, я должна была переехать к нему. После ЗАГСа мы катались, и он показывал мне город, в котором я буду жить»* [Л-ва Елена Николаевна, 1964 г. р.].

М. Г. Матлин в работе, посвященной современному свадебному обряду города Ульяновска, упоминает среди посещаемых объектов «места учебы или работы новобрачных» [Матлин 2003, 378]. Во время нашего опроса хоть и нечасто, но описания подобных ритуалов встречались. Посещение молодоженами мест их работы или учебы может рассматриваться как обряд, связанный с самоидентификацией молодых в культурном (профессиональном) пространстве.

Характерный пример достопримечательности, связанной с культурно-профессиональной самоидентификацией, — один из памятников, наиболее почитаемых молодоженами шахтерской Горловки (Донецкая обл.) — памятник Шахтеру. В рамки современной свадебной традиции вписывается поведение героев повести А. Экслера «Записки невесты программиста» [Экслер 2004]. Не зная, куда отправиться после ЗАГСа, они посещают Могилу Неизвестного программиста (странное аллегорическое сооружение в чаще лесопарка), что, по сюжету, является одним из этапов приобщения героини повести к профессиональному миру ее жениха-компьютерщика.

«Самоидентификационная» символика присутствует в посещении монументов в честь погибших на войне и исторических деятелей (тип 1): молодожены как бы заявляют о причастности к истории собственной страны и народа.

Стоит отметить, что самоидентификационные мотивы просматриваются и в свадебных церемониях, которые молодые строят, сознательно не желая следовать общепринятому канону. Как правило, женихи и невесты, сознательно отрицающие «пафосную» обрядность, принадлежат к интеллигенции, в среде которой поощряется творческая оригинальность; проявляя индивидуализм в организации свадебного обряда, они действуют в соответствии с ценностями, принятыми в собственной социальной группе. Показательны и способы, которыми подобные молодожены (часто в

шутку) искажают традиционный свадебный обряд — вместо обычной свадебной музыки исполняются любимые песни (например, туристические), вместо обычных свадебных костюмов и платьев надеваются оригинальные одежды. Вообще, стоит отметить, что молодожены иногда исполняют обряд даже вопреки собственным намерениям. Так, мы присутствовали на свадьбе, где жених с невестой отказывались от посещения «свадебных достопримечательностей», но вместо этого ездили в гости к пожилым родственникам, которые по состоянию здоровья не могли присутствовать на свадьбе. В данном случае в действиях молодых присутствовал традиционный мотив «почитания предков».

Тип 3. Природные объекты.

Природными объектами являются 47% посещаемых мест; визиты на эти объекты фиксируются в 71% свадебных церемоний.

Местом, куда заезжают праздничные процессии, может быть парк, лес, пляж и т. д.

Одним из основных мотивов, связанных с посещением природных объектов является мотив отдыха, праздности, ничегонеделания. В восприятии большинства современных горожан пространство природы связано исключительно с нетрудовыми, праздничными действиями — пикниками, прогулками, купаниями, сбором «даров природы». Нам кажется, что одной из причин повышенной тяги молодоженов к природным объектам является желание (основанное на психологическом механизме проекции и на принципе симпатической магии) придать последующей семейной жизни легкость, беспроблемность, праздничность. Идиллический отдых на природе в момент создания семьи проецируется и на последующие семейные отношения.

Помимо мотива праздности в обычае посещения природных объектов прослеживается мотив плодородия. Так, происходят посещения «особых» мест, традиционно связываемых с плодородием, рождением, в частности водных источников (Орехово-Зуевский и Шаховской р-ны Московской обл., г. Нижнекамск). В г. Олонце объектом посещения является дерево, состоящее из примерно тридцати стволов, растущих из одного корня.

Между деревнями Мамонтово и Филиппово Ногинского р-на Московской обл. находятся два дерева — сосна и береза, обвивающая ее. Они посещаются молодоженами, причем принято обвязывать оба дерева, как бы соединяя жениха и невесту [Теплова 2003]. Явно плодородную символику имеет стоящее на обочине дороги скульптурное изображение лося и лосенка близ г. Сергиев Посад (Московская обл.). Свадебные процессии оставляют на рогах лося огромное количество разноцветных лент. Говоря о «плодородной» символике, стоит отметить, что выезды на природу в сознании городских жителей часто ассоциируются со «здоровым образом жизни».

Свадебный отдых на природе в последние годы приобретает все более организованный характер. Так, только в восточной части Подмосковья нам известны три «поляны невест» (Люберецкий, Орехово-Зуевский, Павлово-Посадский р-ны) — специально оборудованные места для массового свадебного гуляния. Опишем одну из этих «полян», находящуюся близ поселка Куровское Орехово-Зуевского р-на. Данное место возникло около располагающегося в лесу источника; на настоящий момент источник оформлен в виде деревянной часовенки, над ним располагается икона на вышитом рушнике. В непосредственной близости от источника оборудовано несколько навесов и столиков для проведения пикников, работает передвижное кафе. Женихи и невесты, приезжающие сюда, в обязательном порядке пьют воду из источника, некоторые из них оставляют на деревьях ленты (об этом обряде — см. ниже). Летом 2003 года тут же построена большая действующая часовня от Гуслицкого Спасо-Преображенского монастыря, есть церковная лавка. Смотрители часовни не одобряют многие обрядовые действия, производимые на «поляне» и расценивают их как «язычество». В частности, с вешанием лент на ветвях они борются увещеванием. Впрочем, священник, курирующий работу часовни, снимать ленты не советует, мотивируя это (возможно, в шутку) тем, что болезни тех, кто оставил ленты, перейдут на развязавших. Отрица «языческие» ритуалы, смотрители часовни пропагандируют (и не безуспешно) новые ритуалы,

в частности, молодые все чаще заказывают молебен в честь иконы Казанской Божьей Матери.

На протяжении более 30 лет мы наблюдали за развитием «поляны невест» в Лыткаринском лесу (Люберецкий р-н). Первоначально здесь располагалось место для пикников (столики, спортивные снаряды, деревянные скульптуры), обустроенное трудами местного лесничества. С годами свадебных процессий здесь становилось все больше, а как «поляна невест» данное место стало восприниматься в середине 1980-х годов. Во второй половине 1990-х на ветвях деревьев, окружающих поляну, появились ленты. Некоторое время здесь стояла деревянная скульптура сказочной красавицы-царевны, которая осмысливалась участниками свадеб как покровительница молодоженов. Стоит добавить, что данное место, располагающееся на обочине шоссе, имеет еще и славу «проклятого» — считается, что здесь происходит огромное количество автомобильных аварий, рассказывают о вредоносных аномальных явлениях и т. д. Насколько нам удалось узнать, поверье о «проклятости» данного места существует уже не менее сорока лет, однако дурная слава не помешала возникновению здесь комплекса по проведению свадебных ритуалов. Сейчас при въезде в Лыткаринский лес слева можно увидеть деревья, повязанные свадебными лентами, а справа — венки в память о погибших водителях.

Конечно, как уже говорилось, каждый конкретный объект, традиционно посещаемый свадебными процессиями, может *одновременно относиться к нескольким типам*. Например, мемориал в честь погибших, находящийся в парке (г. Луганск) одновременно относится к объектам первого и третьего типа. А «свадебная» достопримечательность в г. Красноармейске Ставропольского края имеет черты объектов первого и второго типа — это, по определению информанта, «*памятник погибшим танкистам, в центре, от него открывается вид на город*» [М-на Елена Леонидовна, 1973 г. р.]. Во многих случаях природная стихия — огонь, вода, камень, воздушное пространство — является важной частью посещаемого объекта (памятника, городского ландшафта), причем

возникновение «природного» элемента может оказаться той «изюминкой», которая притягивает к тому или иному месту посетителей (например, по мнению одного из информантов, в Перми на главную площадь свадьбы стали приезжать после того, как здесь был открыт фонтан).

Рассмотрим в качестве примера семантику нескольких объектов, пользующихся популярностью у свадебных процессий.

В Москве все больше свадеб приезжают к мемориалу на Поклонной горе (на «Поклонку»). Мемориал посвящен памяти погибших во Второй мировой войне. Первоначально Поклонная гора получила свое название благодаря открывавшемуся отсюда виду на Москву (отъезжающие на запад последний раз кланялись городу). Однако современная застройка изменила ландшафт. Тем не менее топоним «Поклонная», несомненно, способствует формированию восприятия данного места именно как объекта, связанного с поклонением, почитанием, благодарностью (стоит добавить, что многие свадебные процессии, побывав на Поклонной горе, посещают и находящуюся поблизости смотровую площадку на Воробьевых горах, откуда, действительно, открывается вид на Москву). На Поклонной горе разбит парк, отсюда открывается живописная перспектива на долину реки Сетуни. В состав комплекса входят храмы трех религий — православная церковь, мусульманская мечеть и иудаистская синагога.

В Санкт-Петербурге одним из наиболее популярных объектов для посещения является Стрелка Васильевского острова. Это место находится в центре города: исторический антураж создают старинные Растральные колонны, от Стрелки открывается вид на крупнейшие достопримечательности города — Петропавловскую крепость и Зимний дворец. Яркое впечатление производят широкий горизонт и волны Невы, пересекаемой Стрелкой на два потока.

В Перми самым популярным свадебным объектом является диорама, посвященная событиям 1905 года. По оценкам самих пермяков, это одна из крупнейших достопримечательностей города. Революция, репрезентируемая диорамой, является как бы первоначаль-

чальным актом творения для советского общества; в изображениях мемориала прослеживается тема героев, погибших за счастье потомков. От диорамы открывается вид на город.

Как можно заметить, во всех трех случаях семантика объектов, посещаемых свадебными процессиями, многообразна. Все они связаны с «почитанием предков» (1 тип), с самоидентификацией (2 тип), включают в себя природные элементы (3 тип).

Значимой составляющей частью рассматриваемого нами обычая катаний является само *перемещение свадебного поезда*. Для езды часто выбирается центральная улица города (например, в Санкт-Петербурге — Невский проспект). Свадебный кортеж привлекает к себе внимание как украшениями, так и звуковыми сигналами. Передвижения процессии могут иметь нарочито демонстративный характер. Например, один из информантов М. Г. Матлина говорил, что «можно проехать по одной улице, по одной полосе, а потом по другой полосе» (г. Ульяновск) [Матлин 2003, 378].

Во время катания свадебные автомобили имеют на дороге привилегированное положение: согласно обычаю прочие машины уступают им дорогу, они могут допускать незначительные нарушения правил движения. Так, в январе 2003 года мы были свидетелями того, как свадебный кортеж в неполюженном месте пересек оживленную Тверскую улицу в Москве, молодожены при этом не сомневались в своей правоте. Аналогичное отношение к свадебному поезду находим в традиционной культуре. В. А. Коршунков пишет: «На пути свадебного поезда могли возникнуть препятствия, устраиваемые злыми силами. Поэтому предпринимались меры магического противодействия, в частности, обеспечение быстрой, безостановочной езды свадебного поезда, которому все должны были непременно уступать дорогу» [Коршунков 2003, 38]. Представление о неразрывности свадебного кортежа можно встретить и сейчас. Так, одна из информанток (г. Нижний Новгород) написала: «*Жених в ЗАГС ехал на первой машине, следом за ним невеста. И очень важно, чтобы во время езды между женихом и невестой не*

вклинивались другие машины» [молодая жен., ФИО неизв.].

Необходимо перечислить *обрядовые действия*, выполняемые молодоженами и их гостями при посещении «свадебных достопримечательностей».

Так, уже упоминался ритуал возложения цветов к памятникам.

Как обрядовое действие стоит воспринимать совместное распивание алкогольных напитков (особенно часто употребляется шампанское); по выражению одного из информантов, «чтобы дом молодых был полной чашей, необходимо наполнить бокалы и выпить за их счастье» [Б-ва Екатерина Алексеевна, 1974 г. р.].

Еще одно повсеместное действие, часто не воспринимаемое как обряд, но, несомненно, имеющее обрядовое наполнение, — фотографирование на фоне достопримечательностей. В письменных отчетах, составленных по нашей просьбе студентами, нередко встречается выражение «поехали фотографироваться». Эта фраза указывает на то, что фото- и видеофиксация молодоженов и их спутников воспринимается как особый элемент современного свадебного обряда.

Еще один обычай, получающий в последние годы все большее распространение, — повязывание ленточек (с наряда невесты, с капота свадебного автомобиля и т. д.) на ветви деревьев. Так, в Нижегородском Кремле, около Вечного огня, стоит береза, увязанная ленточками, «от чего бедная береза склонила свои веточки и выглядит как расписная матрешка» [молодая жен., ФИО неизв.]. Местные жители полагают, что данный обряд имеет мордовское происхождение (Мордовия граничит с Нижегородской областью). Однако, такая точка зрения вряд ли правомерна — подобные обычаи появились и в местностях, далеких как от Мордовии, так и от других «национальных» территорий (г. Таруса Калужской обл. и др.). Так, например, на подмосковных «полянах невест» деревья повязаны лентами очень густо, причем считается, что чем выше жених или его помощник повяжет ленту, тем лучше. Пылкие молодые люди, стараясь отличиться, забираются на высоту до трех десятков метров. Одно из толкований данного обряда заключает-

ся в следующем: высоко повешенные ленты положительно влияют на состояние новой семьи; другое толкование предполагает фиксацию молодоженов и их гостей в счастливый момент их жизни (по выражению одного из сторонних наблюдателей, «мы сюда еще приедем, такие хорошие, счастливые» [жен. средн. лет, ФИО неизв.]).

Многие из свадебных ритуалов (особенно это относится к ритуалам, связанным с природными объектами) имеют аналоги в архаичной обрядности.

Так, во многих городах (г. Вильнюс [Тульцева 1985, 151], Сызрань, Петрозаводск, и др.) бытует правило — свадебный кортеж должен семь раз пересечь мост через реку (на каждом мосту молодые обязаны целоваться). Причем, через последний мост жених должен перенести невесту на руках. В Великом Новгороде для данного обряда используется мост через Волхов, который настолько длинен, что немногим женихам удается донести свою возлюбленную до конца; зато уж те, кто оказывается в силах совершить этот подвиг, заслуживают горячее одобрение окружающих. В традиционной мифологии мост является одним из символов перехода [Топоров 1991], к числу наиболее распространенных у разных народов свадебных традиций относится «обряд, который заключается в том, чтобы заставить весь свадебный поезд, или новобрачных, или только одного из них переступить через какой-нибудь предмет» [Геннеп 1999, 121].

Другой обычай, вызывающий ассоциации с архаикой, совершается в Нижнем Новгороде у подножия Чкаловской лестницы: «*В пустую бутылку из-под шампанского молодые вложили записки — что-то вроде “прощай, холостяцкая жизнь” — с датой и пожеланиями тем, кто эту бутылку найдет. Закупорили бутылку пробкой и отправили в свободное плавание по Волге*» [молодая жен., ФИО неизв.]. Встречался нам и случай, когда невеста бросала в реку букет цветов (г. Тобольск, мотивация неизвестна). Данные обычаи перекликаются, во-первых, с практикой сплавления по реке ветхих, «умерших» предметов и объектов [Агапкина 1995], во-вторых, с традиционными свадебными обрядами прощания с

«дивьей красотой», персонифицирующей незамужнюю жизнь девушки [Денисова 1995, 57—105].

Однако подобная архаичность в большинстве случаев обманчива — мы имеем дело с обрядами, сформировавшимися в последние десятилетия. Так, около водопада Кивач, на который часто приезжают свадебные кортежи из Кондопоги и Петрозаводска, нам довелось увидеть камень, посещение которого, согласно народной молве, полезно для молодоженов. Дело в том, что невеста, сидя на камне (кстати, считается, что он горячий), обеспечивает себе плодovitость, возможность иметь большое количество детей. Данное поверье, конечно, вызывает в памяти архаичные представления о продуцирующих свойствах почитаемых камней [Чигрин 1993]. Однако, реальная причина намного прозаичнее — камень является наиболее удобным местом, чтобы сфотографироваться на фоне водопада.

Пример случайного совпадения с архаикой продемонстрировал еще один информант. Он показал нам свадебную фотографию, где был изображен с невестой на фоне дуба (г. Москва, Коломенское). Об архаичной символике дуба он на тот момент не знал, в качестве фона дерево было выбрано исключительно из-за своей красоты и величественности.

Достаточно архаичным представляется обычай возложения цветов к могилам погибших героев. В традиционной культуре мотивы радости и почитания умерших часто совмещаются (это просматривается, например, в славянских обрядах почитания умерших в рамках ритуалов весеннего цикла, в частности на Пасху и Радуницу). В восприятии современного человека посещение могилы, как правило, связано с грустью и скорбью, а радости не предполагает. Один из наших информантов (кстати, отказавшийся от «катаний» на собственной свадьбе) говорил: «Я никак не могу понять — какое отношение свадьба имеет к погибшим на войне». Однако, несмотря на это несоответствие, обычай возлагать цветы к военным памятникам и могилам закрепился и исполняется повсеместно.

Возвращаясь к исходной гипотезе нашей статьи, отметим, что, по наше-

му мнению, изложенный фактологический материал позволяет говорить о ее правомерности. На сакрализацию свадебного обряда как скрытый мотив посещения «свадебных достопримечательностей» указывает два фактора. Во-первых, данный обряд стихийно возник в рамках создания новой обрядности после «коммунистической» десакрализации свадебного обряда. Во-вторых, при выборе достопримечательностей прослеживается связь с категориями, традиционно входящими в сферу сакрального — «почитанием предков», плодородием, магическим приданием свадьбе символики «начала». При проведении рассматриваемых нами обрядов оказываются задействованы стереотипы восприятия и поведения, которые можно расценить как архетипические. Например, стремление свадебных процессий к собственной фиксации в центре «обжитого пространства» (родного города), как нам кажется, тесно связано с неоднократно рассматривавшейся в научной литературе мифологемой «центра мира» [См.: Элиаде 1994]. Мало кто из молодоженов, мотивируя свое посещение «свадебных достопримечательностей», произнесет высокие слова о «почитании предков», патриотических чувствах по отношению к своему городу и т. д. Однако приведенный выше статистический анализ показывает, что выбор ими мест для посещения связан именно с указанными мотивами.

Стремление к сакрализации обусловлено, в частности, тем, что свадебные обряды относятся к числу *обрядов перехода*: «Каков бы ни был тип общества, жизнь конкретного человека обусловлена последовательными переходами от одного возраста к другому и от одного рода деятельности к другому. Там, где переход от одной деятельности к другой является жизненной вехой, он сопровождается особыми действиями. <...> Всякое изменение в положении человека ведет за собой взаимодействие светского и сакрального» [Геннеп 1999, 8—9]. В описаниях переходных обрядов (связанных с рождением, юношескими инициациями и т. д.) часто упоминается тот или иной сакральный объект, напрямую или символически присутствующий при переходе. То же относится и к свадебным обрядам. В обществах,

стоящих на ранних ступенях развития, религиозная окрашенность свадебного обряда сравнительно невелика; однако сакральная составляющая занимает все более заметное место уже на ранних этапах цивилизационного развития [Токарев 1990, 133—137]. В современных религиях (как, например, в христианстве) бракосочетание уже рассматривается как «установление Божие» (кстати, говоря о связи брака с религией, стоит отметить, что храмы крайне редко являются «свадебными достопримечательностями», они включены в процесс сакрализации брака совсем по-другому — через обряд венчания).

При рассмотрении темы стоит отметить интересный феномен — мотивы выбора «свадебных достопримечательностей» вполне традиционны, а ритуалы, выполняемые при их посещении по своей форме сходны с архаическими обрядами, что в других условиях навело бы на предположение о презентации в обряде определенной непрерывной традиции, основанной на архаике. Но в случае со «свадебными достопримечательностями» никакой непрерывной архаической традиции нет и быть не может, ведь известно, что данный обряд возник практически на пустом месте: между большевизской реформой свадебного ритуала (условно — 1917 год) и его возрождением в 1960-х годах прошло примерно сорок лет, в течение которых произошла смена двух поколений, и это позволяет сомневаться в традиционной преемственности обрядовых форм. Поэтому рассмотренное нами явление может служить примером того, что *непрерывность традиции не обязательна для воспроизводства обрядовых практик*. Традиция может сводиться к нулю, исчезать и через некоторое время, когда в ней возникает потребность, начинаться вновь.

Можно выделить несколько причин, согласно которым происходит воспроизводство «прерывающихся» ритуальных практик вообще и формируется посещение «свадебных достопримечательностей» в частности.

1. Существует *социальная потребность в обрядности*.

В рассмотренном нами случае видно, что хотя обряды свадебного перехода после 1917 года перестали практиковаться, но *потребность* в них сохра-

нилась — и это впоследствии повлекло за собой возрождение обрядовой практики. Отмена (вернее, основательная трансформация) целого обрядового института привела к тому, что образовалась лакуна: некоторая часть социальной жизни оказалась не подкреплена обрядовыми практиками. В первые годы советской власти новая идеология успешно реформировала существующий уклад жизни и узурпировала обрядовые функции. Однако постепенное ослабление революционного посыла, изменение культурно-исторической ситуации, привели к тому, что возникла необходимость в возникновении новых ритуалов. Обычай поминания молодоженами родителей, погибших на войне, (возможно, возникший как следствие прямой обрядовой традиции) дал толчок формированию нового обычая. На развитие новой традиции оказали влияние благосклонность со стороны государства и появление благоприятных материальных условий.

2. Существует *социально-психологическая потребность* в формировании обрядов переходного типа.

При индивидуальном развитии каждого человека имеют место определенные закономерности. В ходе развития неоднократно происходят изменения возрастного, социального, культурного, территориального статуса. Изменения статуса зачастую сопровождаются психологической перестройкой, связанной с адаптацией к новым социальным условиям. В некоторых случаях получение нового статуса является следствием уже свершившейся психологической перестройки.

Потребности социально-психологического развития детерминируют возникновение социальных структур, обслуживающих переходы из одного статуса в другой.

Вступление в брак является одним из наиболее значимых социальных переходов — при этом происходит смена как социального, так и возрастного статуса. Традиционно смена статуса при заключении брака предполагает определенное «заключение социального договора» перед лицом свидетелей, будь то круг людей, значимых для молодоженов (семья, община, земляки, соотечественники), либо Бог, либо некая значимая категория

(например, Родина). Собственно, рассматриваемый нами процесс выработки нового свадебного обряда предполагает именно привлечение дополнительных «свидетелей» — Бога, предков, Родины, земляков, коллег, сил природы.

«Заключение договора» предполагает самоидентификацию молодоженов в новом качестве, завязывание новых социальных и духовных связей. Наконец, если говорить о ритуальном наполнении бракосочетания (как, впрочем, и любого другого обряда перехода), то не последнюю роль здесь играет эстетическая составляющая.

Состояние смены статуса воспринимается индивидом как действие «особое», требующее как психологической перестройки, необходимой для принятия нового статуса, так и ритуального наполнения перехода. Рассмотренный нами пример с возникновением в последней трети XX века нового свадебного обряда показывает, что если потребность в ритуализации обрядов перехода не удовлетворена, это ведет к стимулированию спонтанного общественного творчества, которое может втягивать в сферу обрядности, помимо прочего, значимые объекты окружающего ландшафта — памятники, природные урочища и др.

3. В качестве одной из причин, сделавших возможным развитие свадебной традиции посещения достопримечательностей, необходимо назвать *специфику восприятия человеком пространства и времени* (особенно — в рамках прохождения действий перехода).

Восприятие пространства предполагает определенную эгоцентричность — построение некоего «центра» (центром обычно является сам субъект восприятия), организующего вокруг себя весь основной воспринимаемый мир. Сакральное пространство ритуала традиционно предполагает построение некоего «центра мира», который одновременно является и центром проведения ритуала. Вполне понятны причины, побуждающие молодоженов при построении сакрального пространства бракосочетания помещать себя в «центре мира». Как следствие, среди достопримечательностей, посещаемых свадебной процессией, большой удельный вес занимают именно объекты с символикой «центра».

В традиционной культуре символика «центра мира» соотносится не только с горизонтальным пространством, но и с вертикальным — предполагается, что в «центре» присутствует связь как с подземным «миром мертвых», так и с небесным миром богов. С этим положением вполне соотносится обычай посещать мемориалы в честь «предков».

Приходящая переходным состояниям символика «начала» предполагает приращение новому образованию (новой социальной группе — семье, и новому временному периоду — жизни в браке) определенных качеств. Психологический механизм проекции и основанные на нем механизмы примитивной магии подталкивают вступающих в брак к тому, чтобы свадебный обряд был привязан к объектам, символизирующим определенные качества — плодородие (объекты природные и связанные с «почитанием предков»), долголетие (объекты, связанные с «почитанием предков»), респектабельность (центральные городские объекты), непогрешимость с точки зрения общественного мнения (объекты, связанные с самоидентификацией), праздность (природные объекты), здоровье, крепость, красоту и т. д.

Наличие определенных механизмов восприятия способствует формированию обрядов определенной формы и содержания.

4. Воспроизводство ритуальных практик зависит, помимо прочего, от *простоты и удобства исполнения обряда*. Рассматривая обряды, которые *стихийно* воспроизводятся в современном обществе, мы видим, как правило, достаточно несложные действия, исполняемые с привлечением подручных средств.

Так, в одной из книг, посвященных советской обрядности, содержится упоминание о свадьбе, произошедшей весной 1942 года во фронтовых условиях — не имея возможности украсить свою одежду, военнотруженики жених и невеста в качестве единственных украшений использовали ветки березы и цветущей яблони [Зеленов 1975, 73]. Современные молодожены, оформляя свой свадебный ритуал, включают в него природные объекты, памятники, стоящие на улицах города; предметы, используемые в ритуале (автомобиль, фотоаппарат и др.) применимы и в

быту; никаких дополнительных умений для исполнения ритуала от молодоженов не требуется.

* * *

Итак, на примере рассмотренного ритуала посещения «свадебных достопримечательностей» мы можем проследить некоторые закономерности воспроизводства действий перехода (в частности, обрядов перехода).

1. При анализе символики «свадебных достопримечательностей» выявляются несколько основных типов объектов — объекты, связанные с «почитанием предков», с территориальной и культурной самоидентификацией, а также природные объекты. Объекты всех трех типов и действия, производимые при их посещении, связаны с понятием «сакрального».

2. При анализе процесса возникновения обряда выясняется, что он сформировался в культурно-исторической ситуации, предполагающей десакрализацию свадебного ритуала. Стихийное творчество, с одобрением воспринятое «официальными» структурами, имело целью придать обряду новое ритуальное наполнение — произвести его дополнительную сакрализацию.

3. Сопоставление современного обряда посещения «свадебных достопримечательностей» с традиционными свадебными обрядами позволяет говорить о возобновлении традиции после периода ее почти полного исчезновения. На данном примере можно говорить о принципиальной возможности воспроизводства тех или иных ритуальных действий без наличия непрерывной традиции.

4. Воспроизводство ритуальной традиции происходит из-за наличия определенной социально-психологической потребности. Данная потребность обусловлена тем, что процедуры перехода — смены возрастного и социального статуса — предполагают серьезную психологическую перестройку, что, помимо прочего, должно поддерживаться ритуальными практиками.

5. Воспроизводство ритуальной традиции становится возможным благодаря наличию определенных психологических предпосылок, связанных со спецификой восприятия пространства, времени и т. д. Наличие определенных

механизмов восприятия способствует формированию обрядов определенной формы и содержания.

Литература

Агапкина 1995 — Агапкина Т. А. Пускаты по воде // Славянская мифология. Энциклопедический словарь. 1995. С. 327—329.

Геннеп 1999 — ван Геннеп А. Обряды перехода. Систематическое изучение. М., 1999.

Геродник 1964 — Геродник Г. Дорогами новых традиций. М., 1964.

Громыко 1991 — Громыко М. М. Мир русской деревни. М., 1991.

Денисова 1995 — Денисова И. М. Вопросы изучения культа священного дерева у русских. М., 1995.

Зеленов, Лавров 1975 — Зеленов Л., Лавров М. Эстетика гражданского обряда. Горький, 1975.

Коршунков 2003 — Коршунков В. А. Ссора мужиков на дороге: дорожные конфликты в России // «Мужское» в традиционном и современном обществе. Материалы научной конференции (Москва, 16—18 апреля 2003 г.). М., 2003.

Матлин 2003 — Матлин М. Г. Свадебный обряд // Современный городской фольклор. М., 2003.

Праздники 1979 — Праздники, обряды, традиции. М., 1979.

Пропаганда 1985 — Актуальные вопросы пропаганды и внедрения новой советской обрядности среди молодежи (По материалам Краснодарской научно-практической конференции). М., 1985.

Руднев 1974 — Руднев В. А. Советские обычаи и обряды. Л., 1974.

Русские 1992 — Русские: Этносоциологические очерки / под ред. Ю. В. Арутюняна, Л. М. Дробижевой, М. Н. Кузьмина и др. М., 1992.

Соц. обрядность 1979 — Социалистическая обрядность и формирование нового человека. Киев, 1979.

Соц. праздники 1981 — Вопросы развития социалистических праздников и обрядов. Рига, 1981.

Теплова 2003 — Теплова В. Н., Корнухова А. Б. «Дерево любви» // Живая старина. 2003. № 3. С. 14—15.

Токарев 1990 — Токарев С. А. Ранние формы религии. М., 1990.

Топоров 1991 — Топоров В. Н. Мост // Мифы народов мира. М., 1991. С. 176—177.

Тульцева 1985 — Тульцева Л. А. Современные праздники и обряды народов СССР. М., 1985.

Чигрин 1993 — Чигрин А. С. «Камни рождающие, камни плодоносящие» // Коломенское. Материалы и исследования. Вып. 4. М., 1993. С. 50—71.

Экслер 2004 — Экслер А. Записки невесты программиста // exler.ru/novels/wife.htm.

Элиаде 1994 — Элиаде М. Священное и мирское. М., 1994.

Е. М. ШИШКИНА
(Астрахань)

ВОЛЖСКОНЕМЕЦКИЙ СВАДЕБНЫЙ РИТУАЛ И ЕГО КУЛЬТУРНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ В XX ВЕКЕ

Типологические особенности волжсконемецкого свадебного ритуала

Рассмотрев особенности свадебного ритуала волжских немцев первой трети XX века, Е. И. Кагаров сделал вывод, что «свадебный ритуал основного населения АССРНП¹ сохранил почти все характерные черты свадебной обрядности немцев Германии» [Кагаров 1929, 269]. В. Жирмунский вторил ему: «Из всех праздников человеческой жизни свадьба все еще особенно богата народными обычаями» [Schirmunski 1930, 79]. Заметим, что картина генезиса волжсконемецкого свадебного ритуала была сложной, многоэтапной и полиэлементной. Своеобразие формирования свадебного ритуала волжских немцев как обрядности поздней переселенческой традиции вторичного формирования опирается на сложные процессы переплетения фрагментов обрядовых версий из разных земель Германии (земель Гессен, Пфальц, Саар, Баден, Вюртемберг, Верхняя Бавария, Райнхессен), Австрии (Тироль, Зальцбург, Трансильвания), Швейцарии, идущие параллельно с влияниями инкультурных систем, прежде всего русской и украинской. Элементы этих разных типологических систем, очевидно, высту-

¹ АССРНП — Автономная советская социалистическая республика немцев Поволжья — была создана по Декрету советского правительства от 19 октября 1918 года. Республика занимала площадь в 28 тыс. кв. км. и граничила с Саратовской, Волгоградской областями и Казахской ССР. Столица — г. Покровск (с 1931 года — Энгельс). После указа Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 года «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья» АССРНП перестала существовать.